

Глава 4

Собрание у Драконьих Врат

Сентябрь, улицы Лояна.

По брусчатке, расталкивая прохожих, нёсся конь, на котором, тесно прижавшись друг к другу, сидели двое подростков. Они без умолку препирались, отчего животное виляло из стороны в сторону, к немалому удовольствию своему и ужасу пешеходов, спешивших убраться с пути.

Тот, что сидел впереди и правил, был необычайно хорош собой. Высокие надбровные дуги придавали его лицу мужественное и благородное выражение, а длинная шея и точёные плечи подчёркивали стать. На поясе у него висела простая сабля в деревянных ножнах.

За его спиной, обхватив спутника за талию, сидел другой, повыше ростом, одетый в серо-синее даосское одеяние. Черты его лица были обычными, но в их правильности крылось некое изящество. Густые чёрные волосы, широкие плечи, длинные ноги — вся его фигура излучала гармонию, заставлявшую прохожих оборачиваться. Впрочем, стоило прислушаться к их спору, как становилось ясно, что именно он с дьявольской усмешкой постоянно подначивал приятеля. Красивый всадник, не находя слов для ответа, от ярости едва не терял самообладания.

Казалось, они вот-вот сцепятся прямо в седле.

Всадник на коне впереди, с мечом за спиной, придержал шаг и, не выдержав, обернулся, чтобы отчитать отставшую на пол-улицы парочку:

— Угомонитесь.

Его окрик заставил умолкнуть не только спорщиков. Прохожие, с интересом наблюдавшие за назревающей потасовкой, как по команде повернулись на голос и замерли, не в силах отвести взгляд.

Лицо этого человека было таким, что не описать словами и не запечатлеть кистью художника. Один лишь взгляд на него, казалось, мог смыть с души всю пыль, накопившуюся за долгие годы.

Хань Линь, который в этот момент как раз всю пихал Вань Миньюэ локтем, услышав окрик, опустил руку и, хлестнув коня, поскакал вперёд.

Вороной резко сорвался с места, подняв облако пыли и заставив зевак неохотно отвести взгляды от прекрасного незнакомца и поспешно расступиться.

При виде этой сцены Шангуань Цюэ лишь вздохнул и громко предостерёг:

— Мы на улице, смотри по сторонам!

Хань Линь послушно сбавил ход и вскоре поравнялся с Шангуань Цюэ. Тот принялся наставлять его, что в толпе нельзя скакать так быстро, можно кого-нибудь напугать, а то и сбить, если вдруг выбежит ребёнок. Вань Миньюэ, сидевший сзади и вцепившийся в талию товарища, тут же подхватил нравоучительный тон.

Услышав, что к хору присоединился и его «пассажир», Хань Линь скосил глаза и снова ткнул его локтем. Вань Миньюэ перехватил его руку.

— Да что ж ты будешь делать! Убить меня хочешь?

В этот момент прямо перед ними на дорогу выскочила собака. Хань Линь резко натянул поводья. Вань Миньюэ, не успев снова ухватиться за него, вылетел из седла.

Шангуань Цюэ тоже остановил коня и, спешившись, посмотрел на распластавшегося у его ног Вань Миньюэ. Он не сдержал улыбки.

— Как ты вовремя упал. — Он обернулся к Хань Линю. — Мы приехали.

В этот момент сверху раздался взволнованный девичий голос:

— Вы не ушиблись?

Вань Миньюэ хотел было ответить, но закашлялся, наглотившись пыли. Поднявшись на ноги, он улыбнулся и сказал:

— Всё в порядке.

И тут он увидел, что перед ним стоит барышня с испуганным лицом, прижимающая к груди маленькую собачку — ту самую, что, судя по окрасу, и стала причиной всего переполоха. Девушка, едва не плача, внимательно осматривала своего питомца. Убедившись, что всё в порядке, она поцеловала собачку в лоб, прошептала: «Слава богу, всё хорошо», и, прижимая её к себе, бросилась к карете, стоявшей неподалёку.

Все слова застряли у Вань Миньюэ в горле. Перед ним возникла рука. Проследив взглядом, он увидел Хань Линя, державшего под уздцы своего коня.

Выражение лица Вань Миньюэ было непередаваемым.

— Вставай давай. Если тебе так нравится здесь сидеть, я тебе после турнира скамейку сколочу, будешь тут целыми днями просиживать, — Хань Линь, ставший свидетелем его неловкого положения, не скрывал злорадства.

Даже Шангуань Цюэ, договаривавшийся с трактирщиком о комнатах, отвлёкся и, обернувшись, усмехнулся.

Вань Миньюэ с силой шлёпнул Хань Линя по руке. Тот взвыл от боли.

— Я тебе помочь хотел, а ты! Неблагодарный!

Вань Миньюэ поднялся, отряхивая пыль с серо-синего одеяния, и смерил его презрительным взглядом.

— В другой раз сам на коне поедешь, я тебя больше не повезу! — крикнул Хань Линь, тряся ушибленной рукой.

Их перепалка привлекла внимание всей улицы. Вань Миньюэ, покраснев, отвернулся.

— А кто тебя просил!

— Вот уж действительно, привидение, что ли, я вёз всю дорогу? — нарочито громко продолжал Хань Линь. — Кто бы мог подумать, что человек с такой техникой лёгкости не умеет ездить верхом!

Не желая больше позориться, Вань Миньюэ решил прекратить этот балаган. Он скрылся от любопытных взглядов и пошёл заказывать комнату.

Дело было не в том, что он не умел ездить верхом. Просто от тряски у него кружилась голова. Он мог бы ехать шагом, но тогда терял ориентацию и двигался мучительно медленно. Использовать технику лёгкости, чтобы добраться из Линьси в Лоян, было невыносимо — сколько бы пар обуви пришлось сменить? Наставник дал ему смирную лошадь, велел привыкать потиньку, мол, дело нехитрое, пусть сначала и медленно. В итоге, когда все его товарищи уехали далеко вперёд, он всё ещё плёлся позади, где его и догнали Хань Линь с Шангуань Цюэ, выехавшие на несколько дней позже.

Поначалу Вань Миньюэ не понимал, почему они так задержались. Позже из обрывков их разговоров он понял, что Шангуань Цюэ вообще не хотел ехать на это Собрание у Драконьих Врат. Причину они не называли. В конце концов, Хань Линь уговорил его, сказав, что хочет поехать вместе со старшим братом, что с ним ему будет не так страшно. Только тогда Шангуань Цюэ согласился.

Та смирная лошадь, обычно тащившаяся как осёл, сбежала от него с проворством молнии.

Когда Хань Линь узнал, что та черепаха умудрилась сбежать, он смеялся так, что чуть не разнёс стол в придорожной харчевне. Вань Минъюэ сверлил его гневным взглядом. Но они были знакомы уже давно, и бросить его одного на дороге никто бы не посмел. Оставшуюся часть пути Хань Линь вёз его за своей спиной. Вань Минъюэ обнимал его за талию, а когда голова начинала кружиться, утыкался ему в плечо.

Так они и ехали. От постоянной близости их былая привычка к перепалкам, поутихшая за последние два года, вспыхнула с новой силой. Шангуань Цюэ поначалу пытался их урезонить, но потом махнул рукой.

Вдвоём на одной лошади приходилось часто останавливаться, чтобы дать животному отдохнуть. Времени на дорогу ушло много, и по прибытии в Лоян у них не было ни минуты на отдых — в тот же вечер нужно было идти на банкет в честь открытия Собрания.

Стоял сентябрь. Хотя Лоян и не был столицей, хризантемы здесь цвели повсюду. Воздух был напоён их горьковатым ароматом. Сад Цзиньгу утопал в свете бесчисленных свечей. Тени плясали на стенах, а гомон голосов смешивался с запахами вина и пудры.

Первую половину вечера Шангуань Цюэ провёл рядом с Хань Линем, предостерегая его не пробовать незнакомые блюда, чтобы не расстроить желудок перед завтрашним турниром.

Под его присмотром Хань Линь вёл себя смирно. Но вскоре старшего брата окружили желающие засвидетельствовать почтение. Его увлекли знакомить с разными людьми, среди которых было много друзей его семьи, и отказать им было нельзя. Чтобы не мешать остальным, он покинул их столик. Тут-то Хань Линь и дал волю любопытству, принявшись пробовать всё подряд.

На банкете подавали несколько странных блюд из хризантем. Попробовав одно, Хань Линь больше к ним не притрагивался и шёпотом посоветовал Вань Минъюэ тоже этого не делать, мол, гадость редкостная.

Они всегда так: поссорятся и тут же помирятся, без всяких предисловий.

Банкет затянулся допоздна. Вань Минъюэ ходил смотреть на поединки мастеров техники лёгкости, а когда вернулся, нашёл Хань Линя спящим за пустым круглым столом, подложив руку под голову.

Он как раз раздумывал, будить ли его, чтобы вместе пойти искать Шангуань Цюэ, как тот сам появился в окружении толпы.

В его глазах читалась смертельная усталость. От него пахло вином, но он из последних сил поддерживал светскую беседу. Проводив всех, он обернулся и увидел их двоих за опустевшим столом.

— Слишком много людей, не мог вырваться. Нужно было отправить вас поранше, — сказал Шангуань Цюэ, устало опершись о стол, чтобы перевести дух, и потёр переносицу.

Вань Миньюэ схватил со стола яблоко и, откусив кусок, спросил:

— Ты в этом году правда не будешь участвовать? Это же отличный шанс прославиться. Следующий турнир будет только через пять лет.

Шангуань Цюэ опустил голову и, усмехнувшись, покачал головой.

— Ну да, ты и так уже достаточно знаменит, — сказал Вань Миньюэ, откусывая ещё кусок.

Он доел яблоко и продолжил:

— Я, наверное, в этот раз не вернусь. Я договорился с наставником перед отъездом. Если смогу здесь себя показать, отправлюсь странствовать по цзянху. Сначала вступлю в какую-нибудь известную школу, а там посмотрим.

— С твоей техникой лёгкости завтра у тебя будет шанс прославиться, — сказал Шангуань Цюэ, наливая себе чашку чая из хризантем, чтобы протрезветь.

— Твоими бы устами мёд пить. Он на тебе, — Вань Миньюэ кивнул на спящего Хань Линя. — Я умираю, как хочу спать. Пойду, пока есть время. — Он встал, поклонился и, используя технику лёгкости, исчез.

Слуги начали убирать со столов. Свечи догорели, и на медных подсвечниках застыли белые наплывы воска. Вокруг стало темнее.

Шангуань Цюэ сел на стул и невидящим взглядом уставился на остатки пиршества. В полумраке его лицо было лишено всякого выражения. Он медленно допил оставшийся в чайнике чай.

Когда из носика не упало больше ни капли, он отставил чайник и, запрокинув голову, долго смотрел на усыпанное звёздами небо. Наконец он глубоко вздохнул.

— Завтра, похоже, будет хороший день.

Он тихо произнёс это, и на его лице снова появилась улыбка. Он повернулся и легонько потряс Хань Линя за плечо.

— А-Линь, пойдём.

На следующее утро они отправились на гору Лунмэнь. Поначалу Хань Линь клевал носом в седле, но к середине пути окончательно проснулся и засыпал Шангуань Цюэ вопросами. Вскоре они достигли подножия горы Ман. С седла было видно, что на горной тропе уже собралась огромная толпа людей с самым разным оружием.

Они спешили и, поддерживая друг друга, протиснулись сквозь людское море к месту регистрации.

Солнце палило нещадно, небо было раскалённым добела. Настроение толпы напоминало глину в печи для обжига — никто не знал, что его ждёт.

Шангуань Цюэ повёл Хань Линя вверх по склону, держась в тени деревьев.

— Не бойся, — тихо говорил он, — дерись как обычно. Если увидишь, что противник слаб, не трать на него силы. Пусть с ними разбираются другие. Не лезь на рожон. Ты достаточно силен. Выходи на помост только тогда, когда увидишь достойного соперника. Так будет лучше и для тебя, и для турнира.

Шангуань Цюэ был слишком известен, его узнавали в лицо. По дороге к ним присоединялось всё больше и больше людей, желающих выказать почтение. К тому времени, как они добрались до вершины, их свита была сравнима с небольшой школой боевых искусств.

Дальше Хань Линю предстояло идти одному. Он попрощался со старшим братом и, сжимая в руке саблю, спустился к месту проведения поединков.

Турнир проходил на дне высохшего сто лет назад озера у подножия горы Лунмэнь. Склоны котловины образовывали естественный амфитеатр, где на высеченных в камне уступах располагались зрители. В центре, на дне, находился помост для поединков.

Солнце жарило немилосердно. Шангуань Цюэ, обливаясь потом, следил за происходящим внизу, одновременно отбиваясь от наседавших на него людей.

— Ты правда не будешь участвовать? — этот вопрос ему задавали сегодня все кому не лень.

Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Многие уже прославленные мастера не участвовали в подобных турнирах, оставляя шанс молодым. По его спокойному виду было ясно, что он не собирается ни с кем состязаться.

Затем следовали неизменные расспросы о его учителе. Его отец держал язык за зубами, и местонахождение Ао Чжуня до сих пор оставалось для цзянху загадкой.

Вокруг толпились люди, многие из которых были представителями различных школ, приехавших сюда в поисках талантов. От их бесконечных разговоров у Шангуань Цюэ разболелась голова. Он вежливо, но твёрдо отказывал всем, говоря, что пока не принял решения.

Собрание у Драконьих Врат проводилось раз в пять лет. Его целью было не кровопролитие, а обмен опытом и демонстрация мастерства. Место проведения, бывшее озеро у реки Ло, символизировало карпа, прыгающего через драконьи врата. Молодые воины, только покинувшие свои школы, часто приезжали сюда, чтобы испытать себя и присмотреться к талантам из других школ. Те, кто проявлял себя на турнире, часто становились в будущем известными фигурами в цзянху.

Но в этот раз всё было как-то вяло. Зрители скучали, и шум на трибунах не имел никакого отношения к происходящему на помосте.

Один из вербовщиков даже пошутил, обращаясь к Шангуань Цюэ:

— Похоже, всю энергию тех лет ты один в себя впитал?

Шангуань Цюэ лишь покачал головой, пробормотав, что тот преувеличивает.

К полудню, когда солнце стояло в зените и камни на склонах раскалились до предела, на помост наконец-то начали выходить те, кто до этого приберегал силы. Вот тут-то и началось самое интересное.

Крюки, метеоритные молоты, шести Шаолиня и кинжалы Эмэй — всё смешалось в едином вихре. Сверкали клинки, звенела сталь, и зрители, наконец, оживились.

Когда шум на трибунах немного поутих, на помост после того, как один из мастеров сабли с лёгкостью одолел двух сильных противников, выпрыгнул парень. Те, у кого было хорошее зрение, узнали его и, улыбаясь, повернулись к Шангуань Цюэ:

— А это не тот ли юноша, что приехал с тобой? Сколько ему? Смелости ему не занимать.

— Он поторопился, — вздохнул Шангуань Цюэ.

— Что? — не расслышал собеседник.

— Он родился в праздник Двойной девятки, — улыбнулся Шангуань Цюэ. — Несколько дней назад ему исполнилось семнадцать.

Боец на помосте, видимо, из-за недостатка боевого опыта, замешкался и упустил инициативу.

Но он не растерялся и, ловко взмахнув саблей, встретил атаку противника. Через несколько приёмов он уже вернул себе преимущество.

— Он ещё моложе тебя? — удивился собеседник, видя, что парень держится очень уверенно. Он снова перевёл взгляд на Хань Линя, который за это время уже полностью завладел инициативой. — Воистину, герои рождаются юными.

За какие-то десять с небольшим приёмов Хань Линь одолел своего противника. Затем, войдя в раж, он победил ещё десятерых. Никто не ожидал от такого молодого бойца подобной уверенности и мощи. Его удары были точными и решительными, без малейшей суеты. Защита — непробиваемой, но при этом он безошибочно находил бреши в обороне противника. Стоило ему заметить слабость, как он тут же переходил в сокрушительную атаку. Его стиль был воплощением несочетаемого: несокрушимая мощь сочеталась с поразительной гибкостью. Он был силён до возбуждения.

Он напоминал Мужун Хаосюэ, прославленного Святого Клинка. Хотя тот всю жизнь был нежен лишь с двумя вещами: с именем, данным ему родителями, и со своей саблей, известной гибкостью и изменчивостью. В остальном же он был грубым и неотёсанным мужланом. Стиль Хань Линя не был похож на стиль Мужун Хаосюэ, но сила их была сравнима.

На трибунах воцарилась тишина. Казалось, все слышали, как высекаются искры при столкновении его прямого клинка с оружием противника. Никто не смел отвести взгляд, никто не решался отвлечь Шангуань Цюэ разговорами — за то мгновение, что они отвернутся, парень мог переломить ход поединка.

Большинство присутствующих по некоторым привычкам могли догадаться, что он нечасто сражался насмерть. У него сохранились недостатки, свойственные тренировочным поединкам. В решающий момент его удар становился мягче, словно он боялся ранить противника и ждал, когда тот сдастся сам.

Но на Собрании у Драконьих Врат собирались люди с высоким самомнением. Видя, что в его ударе есть ещё возможность для манёвра, никто не спешил признавать поражение.

Этот недостаток можно было считать незначительным. Для большинства воинов он исчезнет сам собой, когда они окунутся в мир цзянху и прольют первую кровь. Но здесь, для многих, кто уже познал вкус крови, это была фатальная ошибка. Однако его защита была настолько безупречной, что, даже зная о слабости, никто не мог ею воспользоваться.

Сабля — самое распространённое оружие в Поднебесной. Ею владели и разбойники в горах, и тайная стража при дворе. Мастеров сабли было много, как и теорий о её применении. Но в боевых искусствах не бывает второго места, и вопрос о том, кто является сильнейшим, всегда волновал цзянху.

В последние годы появилось много мастеров, предпочитавших хитрость и уловки, но воинов с таким основательным, уверенным стилем было мало. Зрители, не отвываясь, следили за

поединком, просчитывая каждый его шаг. Все понимали, что имя этого паренька ещё долго будет у всех на устах.

— Кстати, как его зовут? — вдруг вспомнил кто-то.

Когда они приехали, Шангуань Цюэ представил его, но тогда всё внимание было приковано к нему самому. Никто не обратил внимания на этого простоватого на вид спутника, который, впрочем, тоже выделялся из толпы. Они лишь коротко обменялись приветствиями. Кажется, его фамилия Хань. Хань что?

Когда Хань Линь спустился с помоста, чтобы передохнуть, у зрителей наконец-то появилось время, чтобы снова спросить у Шангуань Цюэ имя юного таланта.

Но, обернувшись, они обнаружили, что прекрасного всадника рядом нет. Его не было нигде.

Они хотели было пойти на поиски, но парень, наскоро вытерев пот, снова поднялся на помост. Все взгляды тут же вернулись к нему, и никто уже не вспомнил о Шангуань Цюэ.

Хань Линь смог выбраться из толпы лишь поздно вечером. Поздравляющие и любопытствующие окружили его плотным кольцом. Едва сойдя с помоста, он оказался в центре людского моря. Он повсюду искал Шангуань Цюэ, но так и не нашёл. Кто-то предположил, что тот уже спустился с горы, и Хань Линь решил подождать его у выхода.

Когда он, наконец, ответил на вопросы последнего из подошедших к нему, назвав своё имя и школу, уже стемнело. Шангуань Цюэ так и не появился.

Кто-то высказал мысль, что, увидев, что с ним всё в порядке, старший брат, не любящий толпу, просто ушёл. Хань Линь, терзаемый сомнениями, тоже пошёл вниз. Спускаться всегда легче, чем подниматься. У конюшни он спросил и узнал, что Шангуань Цюэ действительно уехал давно. Тогда он взял своего коня и отправился в обратный путь.

Едва он выехал из конюшни, как услышал удивлённый возглас:

— Неужели это доблестный воин Хань Линь?

Услышав это, Хань Линь, ведший коня в поводу, развернулся и со всей силы пнул ближайшее дерево. С веток сорвалось несколько испуганных птиц и посыпались листья вяза. Из-за листвы донеслось цоканье языком.

— Эту фразу ты сегодня слышал уже сотню раз, почему же моя тебе не понравилась? — Из-за

густой листвы показался человек, висевший вниз головой. — Ты так лупишь по дереву, хочешь, чтобы я разбился насмерть?

— Скорее птица разобьётся, чем ты, — сказал Хань Линь, снимая с его волос прилипший лист.
— Как у тебя дела?

— Разумеется, я первый, — с гордостью ответил тот, раскачиваясь вниз головой. — И по воде бегал, и по верхушкам деревьев летал. Когда я в последнем испытании сорвал красную ленту с сосны на вершине утёса, второй номер ещё на середине склона раздумывал, не сдать ли ему. Теперь все знают меня, Вань Миньюэ. Если бы ты не победил пятнадцать человек подряд и не украл всю славу, то сейчас все говорили бы обо мне.

— У вас там соревновались в технике лёгкости, это совсем другое, не приплетай меня. Ты видел моего старшего брата?

— Нет. Разве он не был с тобой всё это время, давая советы?

— Не увливай от ответа, — Хань Линь ущипнул Вань Миньюэ за перевернутую щеку. — Наверное, он вернулся в гостиницу. Спускайся, я тебя подвезу, ты, должно быть, устал за день.

Вань Миньюэ прыгнул с дерева прямо на спину коня и, сияя, сказал:

— Только этого и ждал!

Хань Линь не стал с ним спорить, взял поводья, вскочил в седло и направил коня по дороге в город.

По пути Вань Миньюэ сказал, что вечером будет банкет, и пригласил его с собой.

— Говорят, там будет много уважаемых мастеров.

— Конечно, пойду. Этот турнир многому меня научил. Я столько своих ошибок увидел, хочу послушать советы старших. Только нужно сначала заехать в гостиницу, предупредить Шангуань Цюэ, чтобы он не волновался.

Вань Миньюэ предложил ему завтра пойти посмотреть пещерные храмы. Хань Линь ответил, что смотреть на камни ему неинтересно. Вань Миньюэ обозвал его невеждой, но настаивать не стал и предложил компромисс: посидеть в каком-нибудь ресторане в Лояне, расслабиться после месяца напряжения.

Хань Линь согласился:

— Хорошо, и старшего брата с собой возьмём.

Вань Миньюэ, которого трясло в седле, уткнулся лицом в плечо Хань Линя и устало пробормотал:

— Ладно, возьмём его, хотя он вряд ли захочет. Побудём в Лояне недельку-другую, отдохнём как следует, а там видно будет.

Хань Линь с этим был полностью согласен.

— Да, я ужасно устал.

Так, болтая, они и вернулись в Лоян. Город кипел жизнью, на улицах было полно людей, возвращавшихся с турнира. Вань Миньюэ думал, что их, едущих вдвоём на одной лошади, будут осмеивать, но все вокруг перешёптывались о чём-то своём и не обращали на них внимания.

Вдруг Хань Линь услышал обрывок фразы, резко соскочил с коня и, схватив одного из прохожих, спросил:

— Что вы сказали? Что с Шангуань Цюэ?

— А ты ещё не знаешь? Его у городских ворот какой-то проходимец избил, — ответил тот и вдруг удивлённо воскликнул: — Постой, а ты не тот самый Хань Линь с турнира?!

Но Хань Линь уже не слышал его. Он застыл на месте.

Вань Миньюэ, решив, что ослышался, схватил прохожего и расспросил его подробнее.

Оказалось, что Шангуань Цюэ заступился за вдову с сиротой, которых обирал какой-то местный хулиган. У того была лишь жалкая сноровка, и в разгаре схватки этот проходимец, вместо того чтобы попасть по цели, умудрился ранить самого себя. Он в панике бежал, даже не забрав свой меч, но драгоценный клинок Шангуань Цюэ оказался в его руках.

Вань Миньюэ не верил своим ушам, думая, что это какой-то злой розыгрыш, но тут Хань Линь спросил:

— Где сейчас этот хулиган?

Прохожий указал направление.

— В оружейной лавке, цену меча узнаёт.

Не успел он договорить, как Хань Линь повернулся к Вань Минъюэ:

— Прости, я сегодня не смогу пойти.

И, вскочив на коня, умчался прочь.

Даже не привязав коня, Хань Линь ворвался в гостиницу. Узнав у слуги, что Шангуань Цюэ уже вернулся, он с выкупленным мечом в руке бросился наверх.

Он увидел дверь в комнату Шангуань Цюэ и уже было шагнул к ней, чтобы толкнуть и войти, утешить, но донёсшиеся изнутри звуки заставили его замереть на месте.

Он услышал надрывный плач, полный такого отчаяния, боли и бессильной ярости, что у него застыла кровь в жилах.

Меч в его руке вдруг показался невыносимо тяжёлым. Хань Линь стоял перед дверью, опустив голову.

Его рука так и не коснулась дверной ручки. Он не смел войти, не смел нарушить чужое горе и стать свидетелем унижения того, кем так восхищался.

<http://bllate.org/book/15990/1441544>